

Л.Э. Бриккер

VABA ELU

или

История одного
эстонского поселения между
Крестцами и Окуловкой.

Окуловка
2018

ББК 26.891 (2Р-НО)

Б-87

Б-87 *Бриккер Л.Э. Vaba elu, или История одного эстонского поселения между Крестцами и Окуловкой. – Окуловка, 2018. – с илл.*

Краеведческое издание.

<http://okulovka.com/news/5308>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Возникновение Ново-Эстонского общества крестьян

Быт

Религия

Школа

Народный дом

Колхоз

Депортация

Кладбище

Слава землякам

ПРИЛОЖЕНИЕ

©Бриккер Л.Э., 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ.

На 30-ом километре автодороги Крестцы – Окуловка в лесном массиве спряталось заброшенное эстонское кладбище, о чем напоминает поклонный крест с табличкой у дороги. До 1954 года существовал Ново-Эстонский сельсовет в Окуловском районе. На крупномасштабной карте можно отыскать урочище Ново-Эстонские Дворы. А если в Интернете набрать слово «Ново-Эстонский», то откроется статья о профессоре Рудольфе Янусе, уроженце этих мест. Вот, пожалуй, и всё, что можно узнать о живших здесь эстонцах.

Во второй половине XIX века, страдая от безземелья на родине, эстонцы и латыши переселялись в Россию, в надежде свободно трудиться на собственной земле. К началу XX столетия их мечта почти сбылась. Земли были выкуплены, произведенная продукция находила спрос на рынках в Крестцах, Окуловке, Боровенке. Но случилась революция, а с нею коллективизация, раскулачивание, сселение с хуторов. Как бы в насмешку созданный таким образом колхоз назвали Vaba elu (Свободная жизнь). Наконец, в довершение всего 3 ноября 1941 года всё нерусское население было выслано в Сибирь.

Так прекратило свое существование поселение эстонцев на границе Окуловского и Крестецкого районов.

Возникновение Ново-Эстонского общества крестьян.

Царскими указами 1816, 1819, 1849 и 1856 годов эстонские крестьяне были раскрепощены, но помещики, немецкие бароны продолжали сохранять за собой большую и лучшую часть земли, а также сильную власть над крестьянами. Поэтому в 50-60-е годы 19 столетия в Эстонии возникло массовое переселенческое движение, как форма протеста против помещичьего гнёта. До начала 20 века в Сибирь, Крым, Кавказ, Среднюю Азию, Европейскую Россию переселилось не менее 11% сельского населения Эстонии.

В Псковской, Новгородской, Тверской губерниях переселенцы из Прибалтики селились на свободных помещичьих землях в совершенно лесистых, заболоченных местах, выкупая их в рассрочку через поземельный банк.

В Новгородской губернии в 19 веке возникло около 20 поселений. Новоэстонское общество – одно из таких поселений, сформировалось к 1893 году на территории бывшего Крестецкого уезда, ныне – территории Окуловского района. Сами эстонцы называли свое поселение «Лярски» (Lärski), так как оно возникло на выкупленных землях помещика В.М. Вонлярлярского.

«Колонисты не хотят селиться посёлками, как наши крестьяне, а предпочитают селиться хуторами, не смущаясь даже тем, что поблизости нет ни реки, ни ручья», - отмечает печать того времени. Расчищали от мелколесья и камней участки под пашню и сенокосы, разводили скот, торговали маслом и мясом на рынках. Работы круглый год сменяли друг друга. Пахать, сеять,

пасти скот, косить и сушить сено, убирать и молотить урожай, стелить и поднимать льны, готовить дрова, прясть, ткать, вязать, шить, печь хлеба, нянчить детей... Верстак, колёсная прялка, ткацкий станок имелись почти в каждой семье. Домашняя мебель, телеги, сани, дуги, бочки, квашни, орудия труда – всё это в большинстве случаев делалось своими руками. Работали днём и ночью. Все лучшие куски, масло, яички – всё шло на рынок, чтобы вырученным рублём погасить проценты банку за купленную в рассрочку землю. Если болели, то лечились домашними средствами: керосином, скипидаром, травами. Так же лечили и скотину.

О трудолюбии и упорстве эстонского поселенца коренное местное население рассказывало удивительные истории. Среди героев этих историй порой присутствовал сам «князь тьмы», оказывающий услуги «нехристям». Среди переселенцев были кузнецы и мельники, которые обслуживали население окрестных деревень и нередко селились в русских деревнях. Нерусские переселенцы не освобождались и от службы в армии.

Переселенцы принесли с собой приобретённый на помещичьих полях Прибалтики опыт обработки земли, умение применять современные орудия труда. Они внедряли многопольные севообороты, товарные посадки картофеля, выписывали сортовые семена, заводили племенной скот, устраивали сельскохозяйственные выставки.

Значительный приток населения из Прибалтики происходил и в период Столыпинской земельной реформы (1906-11гг). В Новгородской губернии значительная часть эстонских поселенцев в 1914 году

землю уже выкупила (ГАНО, ф.Р-265, оп.2, д.766, л.34-40).

Ново-Эстонские дворы (хутора) на карте О-36-54-D

БЫТ.

К 1909 году на хуторах Новоэстонского общества насчитывалось 51 жилое строение с 266 жителями, да ещё 186 человек относилось к родственному Новосельсколатышскому обществу, селившихся здесь же.

К Тимофеевской волости Крестецкого уезда относились хутора Лаабе (2 хутора), Лутс (3), Ланговитс (2), Амос (2), Аро (2), Парис (2), Кротман (2), Колк (2), Август (2), Някк (2), Луйк (3), Виллемсон (2), Янке (2), Насар (2), Грибус, Трейман, Ласман, Руй, Кесберг, Рамм, Янсон, Янус, Петерсон, Пуберт, Викс, Викман, Кокк, Штенбок, Силанарус, Лагзенберг, Макевич, Зальцман, Бауман, Бельзег, Рамм, Дравин, Юрисон и др.

Мельниками были Бриккер Михкли на р.Холове и Бриккер Андре на р.Нерце.

Начинали осваивать местность переселенцы в очень трудных условиях. Жили сперва в шалаше или землянке, строили баньку и помещение для скота, потом гумно и ригу – и, в последнюю очередь, дом для себя. Русские называли переселенцев белыми цыганами.

Одевались просто – рубашка, кальсоны, юбка, кофта. Обувь берегли, ходили босиком. Лапти и валенки не носили. Весной и осенью носили кожаные пастла (обувь вроде лаптей), зимой тоже пастла с двумя-тремя парами шерстяных носков, шерстяные штаны, шуба, ушанка. Спали в ящике с соломой под тканым одеялом.

В отличие от местных жителей сажали много картошки, которую хранили в погребах, капусту, бобы. Мясо солили в кадках. Ели картофельное пюре, щи с мясом, капусту тушеную с крупой и свининой («паксу капстат»), вареные бобы. Летом – молочные блюда, картофельный суп с молоком и клецками. Из муки крупного помола варили густую и жидкую каши («кёрть») и ели со сливочным маслом

Хлеб пекли в русской печи с плитой. У местных плиты не было. Из посуды были глиняные горшки, чугуны, котел для горячей воды. Ложки и чашки часто вырезали из дерева. Ведра для воды тоже деревянные. Зато подойник покупали из белой жести.

Мыло варили из жира при забое скота на целый год и хранили в мешке.

Освещались керосиновыми 5-ти, 7-ми и 10-ти линейными лампами. Во двор к скоту ходили с фонарем «летучая мышь».

Лечились домашними средствами. При вывихах и переломах обращались к костоправу Лингеру, а при родах звали Анну Петерсон.

Имелись также изданные для хуторян в Тарту пособия. Например, такие:

Dr.F.R.Kreuzwald. Kodutohter/ Õpetus, kuda haigedega peab
umber käida majan eile arstipudusel kergitust tehtama. – Tartus,
1879. 184р. (доктор Крейцвальд. Домашний доктор. Советы,
как необходимо обращаться с больными и облегчать их
состояние в отсутствии медицинской помощи)

Maarahwa Kodu-Arst, ehk lühikene juhataja. – Tartus, p. 13-112
(Домашний доктор сельского жителя, краткое руководство)
<Naigused> 122р. (советы по лечению 93 болезней)

Taimetoitlus teaduse kohtujärjeee – Tallinnas, p.97-128 (о
вегетарианстве)

Loomahaigused (Руководство для предупреждения и лечения
болезней у лошадей, коров, овец и свиней) 123 стр. и др.

Хутор Осипа Кротмана в Новоэстонске, 1926г

Вид на хутор мельника Михаила Генриховича Бриккера.

РЕЛИГИЯ

Эстонцы традиционно христиане-лютеране., т.е последователи религиозных взглядов протестанта Мартина Лютера. Всем ветвям протестантизма характерно критическое отношение к текстам Библии, не свойственен культ поклонения святым, к ним относятся как к обычным людям. Крещение принимают только достигнув совершеннолетия – шаг этот должен быть осознанным. Протестанты не поклоняются рукотворным изображениям или иконам, общаются с Богом напрямую без посредников в виде церкви. Пастор не имеет существенных отличий от мирян и живет обычной жизнью. Трудовая этика лютеран говорит о благодати труда и необходимости работать честно и усердно. Путь в рай лежит не через посты и молитвы, а через усердный и добросовестный труд.

. Раз в год пастор из Новгорода объезжал хуторские поселения. Он освящал браки, выдавал метрические свидетельства о рождении и смерти, совершал обряд посвящения подростков в совершеннолетие – конфирмацию. При этом необходимо было сдать

экзамен на знание евангелия.

Конфирмация 28.6.1916г в Ново-Эстонском обществе у школы.

На снимке:

Стоят: Кульп Миля, Парис Минна, Кротман Розалия, Дравин Юлия, Лутс Лиза, Луйк Лиза, Лутс Яан Антсович, Хийоп Розалия, Вась Марта, Парис Вилли.

Сидят: Мюрсепп Александр, Бриккер Эдуард, Кивиряхн Леонард, пастор Фельдман, Колк Александр, Хольт Эндрик, Силанаруск Пётр.

Свадьбы и похороны не совпадали с приездом пастора, потому обходились без него.

27 апр. стар. стиля 1920г. Свадьба Павла Тинт и Паулины Грибус (сидят в центре) на хуторе.

Сидят: 1.Елизавета Грибус, тетка невесты, 2.Петр Носко, 3.Эмилия Бриккер (урожд. Рамм), 4.Яан Генрихович Бриккер, мельник, 5.Даниил Тинт, отец жениха, 6.Павел Данилович Тинт, жених, 7.Паулина Грибус, невеста, 8.Петр Адамович Грибус, отец невесты, 9.Густав Петрович Носко, 10.Александр Лутс с дочерью Линдой, 11.Василий Богданов, муж Иды Носко-Богдановой

Стоят: 1.Валя Лассман, 2.Анна Лассман, 3.Эрнст Макевич, 4.Алиде Клоберг, 5.Рудольф Грибус, брат невесты, 6.Мали Тинт, 7.Александр Лаабе, 8.Ида Тинт, 9.Оскар Маасик, 11.Крисьян Юрьевич Аун, 12.Линда Тинт, 13.Линда Рооз, 14.Карл Петрович Тинт, 15.Минна Тинт, 16.Ида Богданова (ур. Носко), 17.Оскар Данилович Тинт, брат жениха, 18.Ольга Петровна Грибус-Лаабе

ШКОЛА.

К началу 20 века переселенческая община настолько окрепла, что озаботилась необходимостью дать образование подрастающему на новой родине молодому поколению, и построило около 1904 года собственную школу, где обучение велось на эстонском языке. Школа была также центром общественной жизни и досуга молодёжи. Раз или два раза в год приезжал сюда из Новгорода пастор для совершения обрядов конфирмации, венчания, крещения, исповеди.

Учителями работали Пеннарт, Эйхе, Ойя, Э.Пунгас, Ю.К.Роден, Ф.Ланговитс... Последним учителем Новоэстонской школы (с 1936 до ноября 1941г) был Владимир Давыдович Сёёт (р.1901г), окончивший в 1936г два курса эстонского ленинградского педтехникума.

Новоэстонская школа до 30-х годов была единственной в округе, поэтому в ней учились не только эстонцы, но много русских детей. Преподавание велось на двух языках. Из деревни Лядчино в школу ходило около 18 человек: Ивановы Филипп и Самсон, Егоров Петр, Павловы Федор и Гаврил, Павловы Николай, Лаврентий и Фёдор, Филипповы Ефросинья и Анна,

Федоровы Василий и Дмитрий, Иванов Терентий, Ермаковы, Меркушovy.

Акт от 1 октября 1925г о передаче Ново-Эстонской школы, имущества и инвентаря новому зав.школы т. Симсон Марии. (ГАНУ, ф.Р-265, оп.2, ед.417)

Переданы следующее имущество и инвентарь:

Постройки: Школьное здание, Амбар двухсторонний, Сарай для сена и скота, Погреб, Баня

Инвентарь: Парты 7 шт., Шкаф школьный, Столов 2 шт. Стульев 2 шт. Печь чугунная, Куб для кипятка, Классная доска, Счеты большие, Лампа, Топор, Ведро, Копсик (черпак)

Учебники для учителя: Всего передано 40 экз. разного рода учебников и руководств на русском и эстонском языке

Учебники для учащихся. Всего передано 24 экз. на русском и эстонском языках

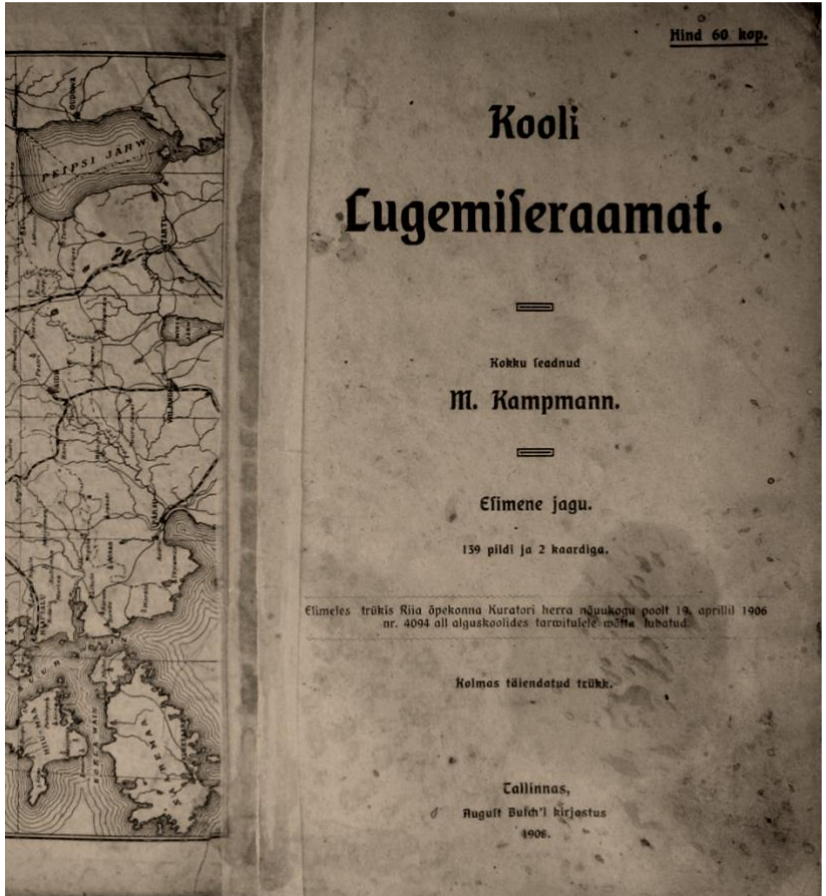
Учебные пособия. Из учебных пособий имеется в школе только 2 штуки географических карт а) бывшая «Российская империя» б) «Европейская Россия»

Сдал бывший заведующий Новоэстонской школы (Освальд Лоос)

Приняла новая заведующая Н.Эст.школы (М.Симсон)

Присутствовала учит-ца данной школы (А.Крийск).

Среди учебников для учащихся была школьная хрестоматия на эстонском языке, составитель М.Кампманн. В ней собраны тексты для учащихся с первого до четвертого года обучения. Они знакомили с домашней и школьной жизнью, учили нравственному поведению, рассказывали о животном и растительном мире, о строении тела человека и болезнях, о явлениях природы, о производстве чугуна, стекла, сахара. Отдельные разделы посвящены знакомству с областями Эстонии, истории России, животному и растительному миру других континентов...

Школьная книга для чтения. 1-я часть. 139 картинок и 2 карты.- Таллинн, 1908г

С основными сюжетами из Библии школьники знакомились по хорошо иллюстрированному краткому изложению Библии (“Piibli lood”) новгородского пастора А.Морфельдта.

В 1937 г было запрещено преподавание в школе на эстонском языке

*Школа в Новоэстонске, весна 1937 г . В центре учитель
Сёёт Владимир Давыдович*

Сидят: 1.Кротман Артур, 2.Лутс Юлиус, 3.Нассар Рудольф, 4.Сёёт В.Д.,
5.Нассар Марта, 6.Лутс Хильда, 7.Аристов Хельми, 8.?дошкольница

Стоят: 1.Кротман Рудольф, 2.Таммор Александр, 3.Таммор Рудольф,
4.Клаос Эрнанд, 5.Виллемсон Александр, 6.Някк Павел (на табуретке),
7.Юргенсон Зинаида, 8.Кротман Константин, 9.Тинт Алиса, 10.Тинт Лейда,
11.Нассар Павел, 12.Арю Алида

НАРДОМ

В феврале 1919г. был основан Народный дом в доме Антса Аро, служивший местом проведения собраний, избой-читальней, клубом. (ГАНУ, ф.Р-265, оп.1, д.243, л.12)

В 1925 году перевезли оставшийся без присмотра большой дом из усадьбы Новоселки. (ГАНУ, ф.Р-265, оп.2, д.417), где разместились народом, изба-читальня, кооператив и райсельсовет.

Здесь читали русские и эстонские газеты, ставили спектакли, выступал хор, проводились танцы. Высокое исполнительское мастерство, культура поведения, богатый набор музыкальных инструментов (рояль, скрипка, гармонь, гитара) делали молодёжные вечера в нардоме очень популярными в округе. Сюда охотно приходила русская молодёжь из Лядчина, Запутья, Федоскова. Ждали очередного воскресенья и шли с песнями на танцы и спектакли. Драк никаких не было. Танцевали падекатр, краковяк, хеват, польку, падеспань, вальс, венгерку, круговые танцы («кара-яан») и др.

Переселенцы второй волны из города Таппо семья Ваас была очень музыкальная. Они привезли с собою различные инструменты. Ринальд, Эдуард и Роберт хорошо играли на духовых инструментах, а Марта и Ольга красиво играли на гитаре. Активно участвовала в художественной самодеятельности семья Мартин, переселившаяся из города Кохтла-Ярве. Хильда и Сальме Мартин организовали хор. Непременными участниками всех мероприятий были Юган Някк, Карл Тинт, гармонист Павел Андреев (Петерсон). Имелись гусли, рояль, баян, на котором отлично играла Линда Лутс.

Федор Ланговитс смастерил детекторный приемник. Через наушники можно было слушать не только Москву, но и церковную службу из Финляндии. Изредка привозили немое кино

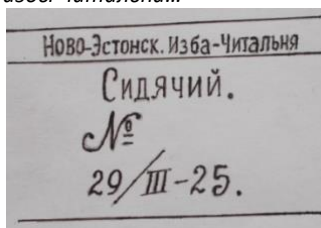
Избачом и зав. нардома был Эвальд Лутс, инвалид без ноги, но страшный оптимист и хороший организатор. Был он одно время и секретарем сельсовета в Лядчине.

Из Протокола собрания Совета Избы-читальни Ново-Эстонского общества Сухловской волости Новг. губ. 26 апреля 1925г.

...Выбрали: председатель – Август Кобак, секретарь – Фёдор Ланговитц, зам председателя и зав. хорового кружка – Ринальд Ваас, зав. драматического кружка – Эдуард Ваас, зав. музыкального кружка и кружка друзей газеты – Ф.Ланговитс.

В плане работы на 4 месяца записали: 1. Каждое воскресенье организовывать доклады по сельскому хозяйству, политграмоте и т.д. 2. Один раз в месяц проводить вечера с выступлениями драматического, хорового и музыкального кружков, 3. Раз в месяц выпускать номер стенной газеты и другие мероприятия с молодёжью, женщинами, допризывниками и пр.

Деньги от платных вечеров использовать на хозяйственные нужды избы-читальни...

Образец билета (прорись с

оригинала)

В 1925 году изба-читальня выписывала газеты Edasi, Liberi Teatajat, Крестьянская газета, Беднота, Крестьянская звезда. Журналы Säde, Красная деревня, Новая деревня, Известия ВЦИК. Кооператив, размещавшийся в этом же здании, отдельно выписывал Крестьянский журнал, Безбожник, Изба-читальня, Лапоть и Искорка.

Отчет избы-читальни за апрель 1924 года. (ГАНУ, ф.Р-265, оп.2, ед.417, л.28

Заведующий Кобак Август Янович, крестьянин, образование начальное, кандидат РКП с 20 года и ЛКСМ с 21 года

Изба-читальня открыта всегда, но работает главным образом по воскресеньям. Проведено 2 беседы: О внутреннем порядке республики и О Ленском расстреле 17 апреля. Присутствовали 26 чел., доклад слушали 20 чел.

Всех книг с брошюрами – 160, подписчиков – 15. Лик. пункт не организован. Театром поставлен 1 спектакль по пьесам «В новой квартире» и «Деревенский парикмахер». Выступил хоровой кружок.

Оформлены уголки 1)Ленина 2)Крестьянина 3)Воздушного флота, 4)Безбожник.

Выпущены 2 номера стенгазеты

Общее количество посетителей – 138. Обслуживается район Ново-Эстонского общества. 4.5.25г

КОЛХОЗ

В 1931 году начался болезненный процесс сселение хуторов и создания колхозов. В соседней эстонской колонии Камзово Крестецкого района дело дошло до вооруженного сопротивления, которое было подавлено. В Окуловском районе были тоже раскулачены многие эстонские хутора. Остальные хутора были объединены в колхоз «Ваба элу» («Свободная жизнь»), где к 1936 году значилось 48 хозяйств. Отдел землеустройства Ленинградского областного земельного управления провёл распланировку территории колхоза. Был разработан проект нового колхозного посёлка, подробно обсуждённый на бригадных и общих собраниях колхозников, одобренный затем пленумом Новоэстонского сельсовета, районными и областными организациями и утверждённый экспертным советом при Ленинградском областном земельном управлении.

В годы, когда большинство сельских жителей знало про радио лишь понаслышке, молодёжь Новоэстонского сумела не только наладить изготовление радиоприёмников, но и организовала телефонная связь по хуторам. Приёмники были у Пускар Александра, Лабе Александра, у Тинт Августа и в школе. Позже, в д.Новая Жизнь была устроена антенна и радиоприёмник. По инициативе Ланговец Фёдора была проложена линия для связи с хуторами. Изоляторы были сделаны из полукатушек от ниток и пропитаны маслом. Теперь не составляло труда созвать людей на собрание, передать из нардома сообщение сельсовета, а бригадиру колхоза с вечера дать указания. Всё это казалось подозрительным органам госбезопасности. Радиоузел был оформлен как предприятие связи, введена

абонентская плата как за радиоточку, протянута телефонная линия до Окуловки.

К 1938 году все хуторяне были сселены в две деревни – «Новая Жизнь» и «Свет». Был построен общественный скотный двор, пробурена артезианская скважина...

Список жителей д.Новая жизнь, построенной между дд.Ёлково и Каменка в виде буквы «Г»:

Бунтс Яан с женой Мартой; Рамм Иван с женой Ольгой; Някк Юхан (перевёз дом раскулаченного Эдуарда Бриккера); Тинт Густав Петрович с оравой ребят и молодой женой Леной; Сёёт Владимир (учитель); Лутс Эвальд; Грибус с семьёй.

Ланговитс; Дравин Эрнест с молодой женой Каролиной; остатки репрессированной семьи Эрнста и Анны Зиверт (4 детей и заменившая им мать сестра Анны, Лассман Валентина); Бунтс Освальд (только что женившийся на Оя Сальме); Ваас Эмма с дочерьми; Лаабе Александр; Тинт Павел; Гейдеман Яан; Румаск Лиза; старики Лабе Юхан с женой (их хутор в 0,5 км не тронули); молодожёны Вилл Альфред и Мани (их хутор близ деревни не тронули); Дмитриев Николай (хутор у деревни не тронули); Анна Тинт с дочерьми Лизи и Лейдой; Лутс Мили.

Список жителей д.Свет у дороги Окуловка – Крестцы:

Колк Александр; Викман-Логина Алиде; Луйк Альти с женой Рози; Киви Лена; Виллемсон Карл с женой Леной Сааре; Клаос Паулина; Юргенсон; Кротман Элла; Виск Карл; Парис Юлус; Луйк Лиза; Луйк Альфред с женой Рози; Нассар Густав; Кульп Лена; Парис Мили; Аристовы; Викторовы.

Празднование 1-го Мая в Новозостонске

А вот что районная газета «Окуловский коммунар» накануне войны писала о колхозе:

МАЛЕНЬКАЯ СЕЛЬМА ВИКС. /Лучшие люди наших колхозов. (Окуловский коммунар, 27.9.1940)

Сельма Викс – 12-летняя девочка. В эту детскую пору некоторые лежебоки, превратно воспитываемые к труду папашами и мамашами, ленива, как Илья Ильич Обломов, потягиваются в постелях, обогреваемые материнской «лаской».

– Куда уж мой ребенок гош! Глухая еще. Что с нее спрашивать? – говорят в таком случае добрые матушки.

И ребенок, видя защиту родителя, «растет от радости», и вольно или невольно становится лежебокой – ленивцем, не способным вымыть ноги перед сном, убрать постель, зашить крючок на платье, остричь ногти, помочь матери или отцу по хозяйству. Не из таких Викс Карл, не такая его дочь Сельма.

На дворе только еще начинается рассвет. Солнце где-то еще за крутяком с большим лесом, а Сельма уже на ногах. Сельма бежит. Сельма торопится. Сельму ждут. Ей, как и большой, поручено самое дорогое в колхозе – уход за скотом. Сельма любит колхозное стадо – она пастушка. У юной колхозницы уже девяносто трудовней. Сельма гордится трудом, довольна своим положением в артели.

Аня Аристова – комсорг колхоза, улыбается. Да и как не улыбаться! Колхозное стадо, труды на которое положены у маленькой Сельмы, растет и развивается. Больше двадцати тысяч литров молока получили трудящиеся Ленинграда. Полторы тонны мяса отгружено колхозом по госпоставкам.

Сегодня в народном доме колхоза «Ваба-Эллу» гастролью кукольного театра. Ставится «Конек-Горбунок». Маленькая Сельма – пастушка колхоза, сей час ученица Лядчинской школы, сидит в задних рядах. Перед началом спектакля говорят о лучших людях – передовиках колхоза, и первое слово о Сельме, труд которой – гордость для колхозников артели «Ваба-Эллу».

Утро. Лучи уже нежаркого осеннего солнца золотят верхушки стройных берез. Осень…

Сегодня в обеих бригадах колхоза по разработанному бригадирами плану будет организована комплексная работа в хозяйстве. С западного конца «Новой жизни» – выстроенная вновь из свезенных хуторов деревня, где расположена вторая бригада колхоза «Ваба-Эллу» – бежит быстрой походкой Саша Дмитриев. 14-летний мальчик не может расстаться с полями своей бригады. За лето этот молодой патриот заработал на разнообразных полевых работах 126 трудодней. Это на 28 меньше, чем выработал его отец, но в пять раз больше, чем выработала его сверстница Лиза Тинт и 17-летняя Антонина Юргенсон. Саша любит труд. На работе он неутомим. Если бы все так честно работали в артельном хозяйстве, наш колхоз был бы одним из лучших в районе. Так говорит колхозная молодежь, так говорят взрослые и старики.

Колхоз «Ваба-Эллу» – один из крупнейших ших колхозов района. Его земельный массив – 2700 гектаров, 173 гектара пашни, 300 гектаров покоса, богатые выгоны, 125 голов скота. Птицеферма на 200 голов, прекрасные скотные дворы, достаточное количество хозяйственных построек, сельхозмашины, инвентарь, наконец, красивейший рельеф местности – все это привлекает внимание патриотов колхоза, стремящихся навести порядок в хозяйстве, поднять колхоз до уровня передовых, покончить навсегда с господствовавшей долгое время хуторской системой царского сатрапа Стольпина.

Перед колхозом большие перспективы, богатое будущее. Надо только сей час приложить к земле руки, взять от нее все, что она может дать, и труды воздадутся сторицею.

Надо любить колхоз и трудиться в нем так, как трудится Саша Дмитриев и любимица колхоза маленькая Сельма Викс. *Д.Агеев*

ПАСТУХ ОДНОГО КОЛХОЗА (Окуловский коммунар, 2 ноября 1940г)

Пастух сельхозартели «Свобода» Ново-Эстонского сельсовета тов. Ю.Илемсон душой болеет за колхозное стадо. Коров он пас, ежедневно меняя участки ухаживать, всегда по хорошей траве. А по вечерам он беседовал с колхозным животноводом, узнавал у него сколько молока дают коровы, сыты ли они, что надо сделать, чтобы еще больше увеличить удойность коров.

В результате колхоз «Свобода» уже выполнил годовой план молокопоставок, сдав государству 10960 литров молока. Члены колхоза вынесли благодарность тов. Илемсону и выдали ему премию. Федор Спиридонов

ВЕЧЕР в НОВО-ЭСТОНСКОМ СЕЛЬСОВЕТЕ (Окуловский коммунар, 11 ноября 1940г)

Более 80 колхозников и колхозниц Ново-Эстонского сельсовета присутствовали 6 ноября на торжественном заседании в колхозе «Свобода». 7 ноября на митинг собралось 150 человек. В колхозном клубе в этот день демонстрировался фильм «Искатели счастья» 8 ноября вечером силами местного драматического коллектива была показана пьеса

Федоров, председатель Ново-Эстонского с/с

Колхоз просуществовал до ноября 1941 года, когда всё нерусское население района было объявлено неблагонадёжным, в одночасье посажено на ст.Окуловка в железнодорожный эшелон и отправлено за Урал.

ДЕПОРТАЦИЯ.

Весть о начале войны долетела до поселян быстро.

Из воспоминаний Вольдемара Тинт:

«Я тогда работал учителем эстонской школы на Алтае и приехал к брату в отпуск в д. Новая жизнь. 22 июня 1941г мне удалось прослушать по приёмнику речь Молотова о вероломном нападении Германии на СССР. Приёмник в деревне был только у нас. Я побежал в обход по селу, сообщая эту тревожную и суровую весть. В правлении колхоза «Ваба элу» я застал актив. Эвальд Лутс, заведующий почтой, быстро организовал народ на митинг в народном доме. Когда я пришёл туда, там уже было много народу, особенно молодёжи. Окна замаскированы, организаторы ходят важно и по-военному подтянуты.

Открывается митинг. Слово предоставляют мне. В зале необычайная тишина. Эту тишину я запомню навсегда. Я произнёс такую речь, какой не произносил раньше и после. Выступило ещё несколько человек, которые поклялись защищать страну, народ и всё человечество от физического истребления. Я часто мечтал на войне о том, что на том же месте сообщу народу и об окончании войны. Ведь пережитое и виденное за четыре года войны дали такой обширный и живой материал, о котором я мог бы говорить несколько часов подряд.

Но нет уже народного дома. И большинства тех участников нет уже в живых – погибли в боях, умерли в тылу, в эвакуации. Надо сохранить о них память».

Вскоре пришёл приказ направить людей на оборонные работы к Валдаю (д.Лутовенка). Угнали скот в Вологодскую область. Радиоприёмник забрали в сельсовет. А затем поступило распоряжение о депортации из прифронтовой зоны в Сибирь признанных потенциально опасными национальных меньшинств – немцев, эстонцев, латышей и др.

Директива НКВД и НКГБ СССР «О мероприятиях по выселению социально опасных элементов с территорий, объявленных на военном положении» от 4 июля 1941г.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941г., п.3, «з», военные власти имеют право на территориях, объявленных на военном положении, принимать решения о выселении лиц, признанных социально опасными.

В случае вынесения такого решения выселение этой категории лиц должно быть возложено на органы НКГБ-НКВД.

В связи с этим предлагаем провести соответствующую подготовительную работу, взяв на учёт всех лиц вместе с их семьями, пребывание которых на территориях, объявленных на военном положении, будет признано нежелательным...

К внесению на учёт подходите осторожно, предварительно проверив имеющиеся у вас материалы.

Нетрудоспособные мужчины и женщины старше 60 лет выселению не подлежат.

31 октября в сельсовете прошёл слух, что придётся временно оставить район, а 3 ноября прибыли вооружённые милиционеры и стали выгонять народ на улицу. Было приказано грузиться на подводы и ехать на станцию. С собою разрешалось взять не более 16 кг вещей и продуктов («придётся идти пешком»). Когда подводы отъехали, послышались выстрелы – милиционеры пристреливали воющих собак...

Эшелоны с выселенными нацменами из Окуловки, Парахина, Кулотина, Новоэстонска, Боровичей пошёл через Бологое на восток..

Из воспоминаний Е.Э. Бриккер об эвакуации:

«Родилась я на хуторе в Новоэстонском, но после раскулачивания и долгого скитания по родственникам мы устроились жить в Кулотине. Мне было 11 лет, когда утром 3 ноября выгнали всех на вокзал, на посадку. Мужчины соорудили наспех в товарных вагонах нары, печи-буржуйки. С собою можно было взять лишь 16 кг багажа. В вагон из п.Кулотино погрузились Бриккер (3 чел), Пильман Август, Лутс Эдуард, Гиндриксон (3 чел), Веттик (2 чел), Лаабе (3 чел), Мартин Хильда с матерью (доехала только до ст.Медведь), Лутс (урожд. Пунг) Миля с Линдой (позже перешли в боровичский вагон), Эйхгорн Миля и Володя с Верой Мольдон, Кюналь (был начальником эшелона, ехал без семьи). В Парахине в этот же вагон сели Александр Бриккер с семьёй (3 чел), Кротман Ольга с сыном. В Окуловке подсели ещё. В Окуловке формировался большой американский вагон с хуторянами Ново-Эстонского сельсовета. В конце концов был сформирован очень длинный эшелон из нескольких десятков вагонов с депортированными и эвакуированными, и различие между ними стали стираться. Двигались по маршруту Бологое – Медведь (здесь впервые обстреляли с самолёта) – Бежецк – Рыбинск – Ярославль (бомбили) – Буй – Киров – Молоток (Пермь) – Свердловск – Курган – Петропавловск – Омск – Новосибирск. Двигались медленно, с длительными остановками, во время которых пассажиры устремлялись в соседние деревни, чтобы выменять пропитание. Немало стариков умерло в пути и их хоронили возле железнодорожного полотна, или выбрасывали на ходу поезда. Города были переполнены беженцами и не принимали эвакуированных. Не принимала Кировская область. Где-то по пути в кулотинский вагон перебрались Эвальд и Хильда Лутс.»

Около г.Кирова сошли учитель Владимир Сёёт, намереваясь добраться до родины в Опоченском районе, Альберт Мартин с матерью. Через месяц пути утром 3 декабря в г.Кургане ушли 16 человек: семьи Павла Тинт, Петра Грибус, Александра Лаабе, Юган Лаабе с женой дочкой и внучатами, Зоммеры...

В тот же день к вечеру в г.Петропавловске вышли ещё 16 человек: две семьи Бриккер, Лутсы, Гиндриксоны, Александр Пильман»

Как жилось в Сибири отдельная история. После окончания войны, те кто выжил, постарались вернуться на Новгородчину, но некоторые предпочли там остаться.

В Казахстане остались жить Эдуард Лутс, вдова Зинаида Някк с детьми, Ланговитс (урожденная Румаск) Лийза с сыном.

В покинутых деревнях Новая жизнь и Свет имущество растащили сразу же, но стёкла в окнах не были побиты. Какое-то время в этих домах жили военные, которые уехали 7 сентября 1942г, но к концу войны пригодного жилья не осталось, да и возвращаться в них было запрещено. Вернувшаяся семья Тинт и Рудольф Грибус с матерью поселились в д.Лядчино, Александр Лаабе устроился кузнецом в д.Сутоки. Анна Тинт стала жить в д.Запутье на Крестецкой дороге и устроилась на работу в дорожном управлении. Некоторое время Петер и Лилия Зиверт с ВалеЙ Лассман жили в д.Новая жизнь в сохранившемся доме Лийзы Румаск, сапожничали, но затем уехали в Латвию. Некоторые поселились в Крестцах, Окуловке, Парахине, Кулотине.

Сельсовет под названием Ново-Эстонский просуществовал до июля 1954 г и был слит с Белушкинским сельсоветом.

КЛАДБИЩЕ.

Место для кладбища было выбрано у перекрестка крестецкой дороги и дороги с хуторов на д.Федосково, в сосновом лесу. Площадь его составляла около 5 десятин.

Сохранилось около двух десятков захоронений, часть из них безымянные. Но они хранят память о существовавшем в этих местах поселении латышей и эстонцев, о подзабытой ныне странице нашей истории.

Aleksander Paris (sünd. 12 märtsil 1889a – surn. 22 julil 1911a), Ново-Эстонское кладб.
Окуловск. р-н

August Paris (sünd. 7 mail 1883a – surn. 24 märtsil 1911a), Ново-Эстонское кладб. Окуловск. р-н

August Metszar (Август Петрович Метссар) (1892-1916), Ново-Эстонское кладб. Окуловск. р-н

Alma Anetse Metssar (Альма Петровна Метссар-Покатс) (1896-1941), Ново-Эстонское кладб. Окуловск. р-н

Andres Kustadi p. Vaas (1856-1936), Ново-Эстонское кладб. Окуловск. р-н

J. Pilman, Эстонское кладб. в поселении Бугры-Камзово Крестецкого р-на

P. Jõgi, Esimene puhke paigawalia 1890a. M. Soanus kudan tegja küla abiga 1910a. Эстонское кладб. в поселении Бугры-Камзово Крестецкого р-на

Jaani Kaunistmae (sünd. 27. jaanuaril 1882 – surn. 17. veebruaril 1902) Ново-Эстонское кладб. Окуловск. р-н

Johani Miettinen (Syntynyt 10p heinakuuta 1848, Kuollut 18p huhtikuuta 1886), пог. Боровно Окуловск. р-на

Julius Stobbe (geb. d. 17 sept. 1862 – gest. d. 3 nov. 1870), Окуловка

Klaos Kustav (sünd. 1882a – surn. 1925a), Ново-Эстонское кладб. Окуловск. р-н

Klaos Alma (sünd. 29.9.1913a – surn. 29.9.1934a), Ново-Эстонское кладб. Окуловск. р-н

Mathilda Stobbe (geb. d. 3 aug. 1860 – gest. d. 2 mai 1870) - Окуловка

Minna Kokk (7.1.1880-30.4.1950), Парахин. кладб. (Окуловка)

Mürsep Aleksandr, surn. 1923a. Ново-Эстонское кладб. Окуловск. р-н

Кротман Осип Якобович (1906 – 26.9.1934)

Бриккер Мария Андреевна (16.10.1892 – 22.4.1904)

Бриккер Петр Андреевич (7.6.1902 -1904)

Бриккер Павел Андреевич (27.9.1904 –

Бриккер Марта Эдуардовна (24.11.1924 – 10.11.1928)

Бриккер Адольф Эдуардович (2.3.1926 – 10.11.1928)

Бриккер Леонберт Эдуардович (февр. 1928 – 6.3.1930)

В 1985 году на кладбище были установлены две литые доски с именами 29 погибших на фронтах Великой Отечественной войны жителей Ново-Эстонского поселения, но они не уцелели в 90-е годы.

В 2018 году у входа на кладбище установлен бетонный поклонный крест с названием кладбища и исторической справкой о судьбе национального поселения.

СЛАВА ЗЕМЛЯКАМ

КОЛК Ян, фотограф начала XX века в Окуловке

Фотограф Ян Колк с семьей. Дом фотографа Яна Колка в Окуловке. В помещении под крышей павильон для съемок.

Ян Колк, проживал в доме № 31 по улице Карла Либкнехта в Окуловке. В документах фонда №Р-1280 ГАО «Государственный архив Новгородской области» сохранился список негативов, изготовленных им и отобранных сотрудником архива для учета. В акте обследования числится семь негативов размером 18×24 сантиметра, среди которых снимок женского коллектива станции Окуловка 1918 года (указана изношенность негатива 25%), рабочего кооператива общества потребителей при Парахинской фабрике 1916 года (указана изношенность негатива 25%), Первого Новгородского съезда коллективов бумажников, 25-летия Окуловской вольно-пожарной дружины, хорового кружка при Парахинской фабрике, струнного оркестра при Парахинской фабрике и духового оркестра при Парахинской фабрике (все 1926 года). К сожалению, дальнейшая судьба фотографа Яна Колка сложилась трагически. Сведения о нем можно найти в пятом томе Книге памяти жертв политических репрессий Новгородской области: «Колк Ян Амосович. 1891 года рождения, уроженец Эстонии, проживал в п. Окуловка, эстонец, беспартийный, грамотный, фотограф. Арестован 30 апреля 1935г. Приговорен 25 октября 1935г. к пяти годам лагерей. Остались жена и трое детей». В разных томах Книги памяти жертв политических репрессий Новгородской области содержатся сведения о жителях Окуловского района с фамилией Колк, родственников фотографа, которые подверглись репрессиям в 1930-е годы. Судьба их сложилась по-разному, кто-то был расстрелян, кто-то освобожден. Так во втором томе Книги упоминаются Колк Александр Амосович (брат фотографа) «1898г.р., урож. имения Березовик, эстонец, грамотный, беспартийный, член колхоза «Ваба Элу», проживал на территории Новоэстонского общества. Арестован 17 июля 1938 г. Освобожден 20 марта 1939 г.», Колк Амос Густавович (отец фотографа) «1869 г. р., урож. Эстонии, эстонец, грамотный, беспартийный, проживал в п. Парахино. Арестован 5 июля 1938 г. Освобожден 11 марта 1939 г.», Колк Роберт Амосович (брат фотографа) «1895 г.р., урож. имения Березовик, эстонец, грамотный, беспартийный, член колхоза «Ваба Элу», проживал на территории Новоэстонского общества. Арестован 10 марта 1938г. Расстрелян.», Колк Рудольф Амосович (брат фотографа), 1907г.р., уроженец и житель Новоэстонского общества,

эстонец, грамотный, беспартийный, счетовод промартели. Арестован 25 июня 1938г. Освобожден 17 марта 1939». В седьмом томе Книге содержатся сведения о Колке Амосе Густавовиче: «проживал на территории Новоэстонского сельсовета. Раскулачен. Лишен избирательных прав в 1932 г».

В коллекции Новгородского музея-заповедника сохранились фотографии, изготовленные Яном Колком. Это групповые снимки, сюжетные снимки и индивидуальные портреты размеров «визитка» и большеформатного размера. Индивидуальный фотопортрет учащегося Окуловского коммерческого училища Васильева Ф.С. («Запечатлевшие на века». Фотоателье Окуловки. Фото 2, Фото 3). В коллекции сохранился и индивидуальный фотопортрет Куделина Николая Власевича – кавалера ордена Ленина, первого председателя Заозерского волисполкома. Снимок был выполнен до 13 августа 1919 года, так как на оборотной стороне фотографии имеется дарственная надпись с указанием даты: «На долгую память другу Шуре. Коля. В тяжелые минуты и трудный час вспоминай как радовались мы видясь каждый час дру*** (в тексте непонятно) Шуре от Коли» («Запечатлевшие на века». Фотоателье Окуловки. Фото 4).

Источник: <https://parohodonline.ru/news/36949-zapechatlevshie-na-veka-fotoatele-okulovki/>

ТИНТ Вольдемар Павлович (9 марта 1921г, Новоэстонск – 14 авг.1985, Таллинн)

Родители Тинт Пауль Данилович и Паулина Петровна (ур. Грибус). Вольдемар в 1939г поступает в пединститут им. Покровского в Ленинграде. Со второго курса его по разверстке Наркомпроса РСФСР направляют преподавателем истории в одну из сельских школ Алтайского края. В годы ВОВ служил в армии, участвовал в боях. Демобилизовался в

1946г и находился на комсомольской и партийной работе в гг. Пярну и Валга. В 1949 г его выдвигают на работу в аппарат ЦК Компартии Эстонии, где он возглавляет сектор агитационно-

массовой и культурно-просветительской работы. Потом работает в Таллинском горком, избирается секретарем Таллинского обкома партии. С 1953г зам.заведующего отдела ЦК КП Эстонии, а с января 1963г – заведующий отделом ЦК по руководству сельским хозяйством, депутат Верховного Совета ЭССР

В 1958г окончил заочно Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Награжден двумя орденами «Знак Почета», медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «За доблестный труд в годы ВОВ»

Жена Сальме Юханна Мадисовна Сиитмаа-Тинт . Дети Тайми (р.1949) и Тойво (р.1950)

ЯНУС Рудольф Янович (1903—1966) — советский физик.

Родился 9 апреля 1903 года на хуторе Ново-Эстонского общества Крестецкого уезда в крестьянской семье¹. Учился в земской школе (3 года), и двухклассном министерском училище в с.Ручьи (ещё 3 года). По окончании учебы в 1916 г. Рудольф Иванович стал работать в хозяйстве своих родителей — крестьян-

середняков. В 1919 г. общий сход деревни предложил 15-ти летнему Рудольфу поработать учителем в местной начальной школе. Отсюда он через год был направлен на краткосрочные педагогические курсы, а оттуда в Псковский институт народного образования для повышения квалификации. В 1925 г. институт был

---

¹ У Рудольфа были брат Август (зам.министра совхозов в Эстонии после войны) и сестра Розы (по мужу Ваас).

окончен, но уже не Псковский (его ликвидировали), а Тверской педагогический. Во время учебы Рудольф Янус оформился лаборантом при физической лаборатории, а в 1929 г. ему предложили перейти на научно-исследовательскую работу в магнитный отдел Ленинградского физико-технического института на должность инженера-физика, где он проходил стажировку.

В январе 1932 г. академик А.Ф. Иоффе подписал приказ по Ленинградскому физико-техническому институту о выделении из его состава Уральского физико-технического института. И в 1935 г. в числе первых тринадцати сотрудников Уральского ФТИ Рудольф Иванович переезжает в Свердловск. Он уже кандидат наук (степень присуждена ВАКом в том же году по совокупности опубликованных работ). Здесь ученый начал интенсивно заниматься обеспечением промышленности Урала (и не только Урала) технологиями и средствами контроля качества материалов и изделий. С 1938 г также преподает в Уральском университете.

Первую установку для определения ваттных потерь в электротехнических сталях для Верх-Исетского завода Р.И. Янус предложил, еще работая в Ленинграде. Теперь, тесно сотрудничая с ВИЗом и став научным консультантом этого завода, Рудольф Иванович обосновал необходимость испытаний свойств трансформаторной стали в целых листах (не на отдельных полосках, как в аппарате Эпштейна). Трудность определения средних магнитных свойств отдельного листа заключается в том, что измерения приходится производить в разомкнутой магнитной цепи (в аппаратах Эпштейна из полосок собирается квадрат). Р.И. Янус предложил способы частичной компенсации размагничивающего поля, вывел ваттметровую формулу для открытого плоского соленоида и проанализировал источники возможных ошибок. Совместно с работниками ВИЗа были созданы аппараты для цехового контроля, которые в конечном счете позволили улучшить качество производимой стали. Рудольф Иванович постоянно следил за работой этих аппаратов и совершенствовал их. С появлением рулонной стали Р.И. Янус провел ее аттестацию, предложив методику и аппаратуру для ее контроля.

Второе направление деятельности Р.И. Януса — обнаружение дефектов типа нарушений сплошности в изделиях и полуфабрикатах. Он выполнил расчеты поля дефекта в виде

полости в безграничной сфере и в ограниченных изделиях, ввел такие понятия, как эквивалентный магнит, объемные магнитные заряды. Как всегда, выводы теории были проверены на огромном экспериментальном материале и имели выход в практику, например, при контроле железнодорожных рельсов, уложенных в путь. Для выявления дефектов в рельсах Р.И. Янус использовал магнитомеханические искатели. Во время войны он работал очень напряженно, на своем велодефектоскопе проехал не одну сотню километров, изучая разные возможности намагничивания рельсов и записи результатов контроля. В то же время Рудольф Иванович следил за работами своих сотрудников (С.В. Вонсовского, Я.Ш. Шура, П.А. Халилеева, М.Н. Михеева), занимавшихся другими, не менее ответственными задачами. За разработку нового метода испытания металлов в 1950 г. Р.И. Янус и М.Н. Михеев получили Сталинскую премию.

В послевоенное время Рудольф Иванович предложил для измерения полей дефектов магнитомодуляционные датчики, которые он назвал феррозондами. Теории и практике применения феррозондов ученый посвятил свои последние работы. Совместно с сотрудниками своей лаборатории он разработал специальные феррозондовые градиентометры для медицинских целей, при операциях по извлечению инородных металлических тел (осколков гранат, игл и т.д.) из тела человека.

Авторитет Р.И. Януса среди специалистов по неразрушающему контролю был исключительно высок. Он неоднократно возглавлял оргкомитеты общесоюзных конференций, представлял нашу науку за рубежом, именно ему было поручено организовать журнал «Дефектоскопия», который успешно служит сообществу дефектоскопистов и в настоящее время.

Рудольф Иванович Янус оставил глубокий след в науке. Его научные труды имеют фундаментальное значение и долго будут служить основой дальнейших исследований в области неразрушающего контроля и магнитных измерений.

Доктор физико-математических наук (1960), профессор (1946).

Автор монографии «Магнитная дефектоскопия» (М., 1946).

Награды и премии: Сталинская премия третьей степени (1951) — за разработку и внедрение в промышленность нового метода контроля качества стальных изделий; орден Ленина (1953); орден «Знак Почёта» (1946); медали.

Янус Рудольф Иванович р. 9.4.1903г, Новозостонск – ум. 31 янв. 1966г Свердловск, погребен 2 февр. на Ширококореченском кладбище.

Он всегда поражал своей исключительной скромностью, необыкновенной работоспособностью, чуткостью и искренним желанием помочь любому, с каким бы вопросом к нему не обращались. В его характере гармонично сочетались большая требовательность к себе и доброта по отношению к окружающим, остроумие и умение найти выход из сложных ситуаций. В то же время он проявлял глубокую принципиальность в основных вопросах науки и жизни. Его любили и уважали все, кто с ним соприкасался в научной деятельности и в личной жизни.

Библиография:

Корзунин, Г. С. Рудольф Иванович Янус. Научная биография / Г. С. Корзунин, В. Е. Щербинин // История науки и техники. - 2012. - № 9. - С. 58-74.

Плотникова Т. "К нему тянуло, как магнитом" : [Вечер памяти, посвящ. 100 летию со дня рождения Р. И. Януса - одного из организаторов Ин-та физики металлов УрО РАН] // Наука Урала. - Екатеринбург, 2003. - Апр. (N 10). - С. 7: портр.

Путилов Б. А. Научной совести высокий образец : [Крат. биогр. очерк о Рудольфе Ивановиче Янусе, ученом-физике, преподавателе УрГУ] // Наука. Общество. Человек: Информ. вестн. УрО РАН. - Екатеринбург, 2002. - N 2. - С. 25-28: фот.

Шабалина Е. Ф. Памяти Р. И. Януса : К 100-летию со дня рождения // Известия Уральского государственного университета. - 2003. - N 27: Проблемы образования, науки и культуры

Янус Рудольф Иванович : [д-р физ.-мат. наук, профессор УрГУ] // Уральский государственный университет в биографиях. - Екатеринбург, 2010. - С. 170 : фот.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ГРУСТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭСТОНЦЕВ В РОССИИ.

Л.Соколова. «Ленинское знамя» /Крестцы/, 9 апреля 1991г.

В нашем районе много эстонских фамилий – Эгги, Вальман, Сибуль, Сирель и т.д. Как говорят старожилы, эстонцы стали селиться в Крестецкrm районе более 120 лет назад. Ещё в 20-е, 30-е годы нынешнего века было много эстонских хуторов – Эдазия, Лиманы, Красный Холм, Камзово. Пожилые люди – не эстонцы, с которыми мне пришлось говорить на эту тему, единодушно отмечали трудолюбие представителей этой национальности, их способность к различным ремёслам.

В тридцатые годы эстонцы, как и представители других национальностей, подверглись репрессиям, раскулачиванию. Много их было выслано из района. Мне захотелось узнать больше о тех тяжёлых годах, о судьбах эстонцев. Прошла по подсказанным адресам, семьям. И вот какие получились записи.

Роза Петровна СЕЛЛЬ, ул.Валдайская: В Крестцы приехали мои родители , ещё при царизме. В Эстонии земли было мало, людей много. А здесь давали землю, бери, работай сколько хочешь. Они только поженились и приехали. Мы родились уже здесь, тут наша Родина. У меня было две сестры, два брата. Сама я родилась в 1903 году.

В тридцатые годы у нас многих раскулачили, сослали почти всех эстонцев. Я замуж вышла в 1923 году, в большую семью попала – 13 человек. Старший брат мужа устроился в Амосове на

мельницу, ещё один брат на хуторе дом построил, а мы в старом доме остались. Вот в тридцатом году нас и раскулачили – лошадь забрали, корову. Уехали мы в Окуловский район, потом в Хотольском сельсовете работали.

Мужа моего взяли в 1937 году. Пять человек детей у меня к тому времени было. Дочка умерла как отца взяли. А сын Эдгар погиб на фронте под Великими Луками.

Когда война началась, стали нас в Сибирь высылать. Я поехала с детьми, младшей сестрой и матерью старой. Доехали до Хакасской автономной области, там стали жить. Муж мой Павел Петрович 5 или 6 лет был в лагере, тоже в Соликамске, а потом приехал к нам в Сибирь. Там умер от болезни, дети тоже.

В Крестцы я вернулась в 1944 году. С 1956 года живём вместе с Альмой, это жена моего брата.

Много было тяжёлого в жизни, но я не жалею. Только бы больше такого не было, только бы жили все в согласии.

Альма Антоновна РИБА: Родилась я в 1905 году. Муж – Освальд Петрович погиб на войне. Сначала мы с ним жили здесь на хуторе, муж был председателем колхоза «Восход» Камзовского сельсовета. В 1941 году, когда началась война, выслали в Сибирь, жили около Томска или Омска. Долго там жили, корову завели. В колхозе работала. Сын был один, жил потом в Эстонии, умер от болезни.

Сельма (Зинаида) Рудольфовна СТРОМКИНА: Наша семья жила в Эдазии, фамилия моя дозамужняя была *Селл*. Весной 1941 года мать посадили –

нагребла на лугу по остаткам мешок сена. Отец в Армии был. Остались мы одни – брату 12 лет, а мне 18, я уже работала на Винской базе. Когда стали эстонцев выселять, мы тоже поехали – от греха подальше. Вещей можно было взять только 32 килограмма – по 16 на человека. У кого больше было – выкидывали.

В телячьих вагонах ехали мы и ноябрь, и декабрь, и Новый год в дороге встретили. Доехали до станции Камарчага в Красноярском крае, потом ещё три дня на тракторе нас везли. Я попала в леспромхоз, где жили поляки, ещё в 1937 году выселенные. Несколько барачков, столовая, клуб, да кругом горы. До ближайшего населённого пункта около 20 километров.

Потом стали уезжать те, кто помоложе, в другие места. Нас разыскали тётя с сестрой, стали звать к себе, они жили в совхозе, недалеко от Шушенского.

Положили мы с братом шмутки на саночки и в три часа ночи отправились в путь. 80 километров надо было до станции добираться, а зима, волки в лесу, на двоих одна буханка хлеба.

На третий день к вечеру добрались до Камарчаги. А там на поезд народу – тьма! Было кое-что из одежды с собой – платье ситцевое, платок, чулки отдала – посадили в поезд.

На новом месте приняли на работу в гараж – я вначале войны выучилась на шофёра. Много было и смешного и грустного – 1 девушка и 6 ребят в гараже и я одна с правами.

Там разыскала нас мать – она в Старой Руссе сидела, потом в Горьковской области. Туда, в

Горьковскую область, мы и приехали в марте 1944 года. А когда возвращать стали всех обратно, приехали в Крестцы. А тут дом сожжен, ничего нет.

Елизавета Александровна ЛЕХМУС, ул.Рябошапка: Нас в 1930 году раскулачили, никаких документов не осталось. Что отобрано, ничего записано не было, и хозяина не было, так растащили кто успел.

Пришли, сказали, что это теперь не наша собственность, собирайтесь. Взять с собою можно было очень мало. Помню, отец в жизни первый раз купил мне пальто, так и то не дали взять. Отец вышел из задней комнаты в столовую и упал, так ему плохо стало. Мы, дети, маленькие были, не понимали многого, а как всё это было пережить родителям?

Идём, плачем, а бедняки, те, которые в жизнь работать не хотели, смотрим, уже тащат из нашего дома – одна идёт с тазом, другая с кастрюлей.

Всё равно им наше добро впрок не пошло – богатыми не стали, раз работать не умеют.

Дом у нас большой был, хороший, конюшня, баня, кузница. А через год я приехала на свой хутор – один корпус дома стоит, окон нет, ничего нет. Всё было сожжено на дрова. Яблоневый сад у нас был хороший – тоже всё спилили на дрова.

Мы были лишены права голоса, везли нас под конвоем. Привезли в Хибиногорск (теперь Кировск) Мурманской области – горы и палатки среди гор. В палатках – нары, печка.

Всех послали работать, стали фабрику строить, я песок таскала в мешках. Потом десятник (хороший попался) устроил курьером.

Мы с братом хорошо работали, хорошие характеристики заработали, нам дали право голоса и отпуск. Вот я тогда сюда и приехала посмотреть. В 1941 году, когда война началась, нас опять стали выселять – сначала в Карелию вытурили, потом в республику Коми.

Ещё в Мурманске я вышла замуж, тоже за эстонца. В 1940 году мужа посадили по 58-й статье, пункт 10. Дали 5 лет, отсидел. В 1955 году был реабилитирован.

В Коми республике в г.Печора мы сейчас и живём с сыном Вольдемаром, журналистом. Сюда приезжаем часто. В прошлом году поехали на свой бывший хутор, там теперь лес, но пастух из Пристани вызвался провести. Я нашла остаток колодца и по нему определила место, где был наш дом. Вольдемар сразу срубил дерево, сделал заметку. «Будем, - говорит, сюда приезжать».

Тереза Карловна СИБУЛЬ, ул.Павловская: Я родилась на Крестецкой земле в 1923 году. Фамилия до замужества моя была *Кивиряхт*. Жили мы в Лиманах. Отца звали Карл Густавович, мать – Эмилия Ивановна.

Когда началась организация колхозов, мы поехали в коммуну «Творец», это за Валдаем. Три коровы, нетель, свиноматку, восемь овец – всё в коммуну отдали.

Жили в коммуне лет пять, я в школу там пошла. Однажды прихожу из школы, а у нас милиция, пришли за папой. Я заплакала, милиционер стал меня ругать: «Такая большая девочка, а плачешь». Отец болел, его прямо с постели взяли. Держали

его около месяца, потом освободили, но домой он не попал – умер на следующий день.

После этого родственники стали звать нас обратно в Крестецкий район. В Эдазию приехали, мама пошла работать свинаркой, поселились в каморке, где готовили свиньям. Потом нам построили дом от колхоза – из амбара. Там в Эдазии я замуж вышла. Осенью сорок первого началась эвакуация в Сибирь. В Красноярский край мы попали, лес пилить. Ехала я туда с родителями мужа и маленькой дочкой, ехали долго, дочке 6 недель было, умерла в дороге.

Три года жили в Красноярском крае, потом муж пришёл с фронта после ранения, уехали в Новосибирскую область. Там жили семь лет, четверо детей там родилось.

В 1953 году вернулись сюда – все уезжали на свою родину и мы уехали.

Рассказ жены продолжает Эдуард Андреевич Сибуль: Я родился тоже здесь, в деревне Бугры. Помню, как в 1933 году в январе отца забрали. Время было такое, не поймёшь, люди злые, надо было каждое слово думать как сказать. Но его по ошибке, наверное, взяли – в конце апреля – начале мая выпустили.

Работать начал я с 13 лет. В колхозе работал. Везде надо работать – и в колхозе, и в своём хозяйстве. Как человек работает, так к нему и относятся.

Окончил курсы трактористов, до войны был трактористом, 1 июля 1941 года взяли на войну.

Когда приехал к семье в Сибирь, был шофёром, членом правления в колхозе. Всё просился:

«Отпустите на родину». Не отпускали: тут, говорят, некому работать.

Сюда приехали – дом стали строить. Спасибо колхозу – сруб дали четырёхстенный.

Сестра и брат у меня здесь живут, а третий брат и остальные сёстры в Эстонии. Я, честно говоря, недоволен, что они там гудят, что инвалидам войны, ветеранам войны все льготы отменили, а дезертиры, те, что по лесам скрывались, в почёте.

Работать надо, а не делиться. У нас у отца, помню, маленькие грабельки всем были сделаны, чтоб с малых лет работали. Если бы все хорошо работали, так и сейчас бы хорошо жили.

А эстонцев много было в районе. Камзовский сельсовет полностью был эстонский, семей 200, мне кажется, жило, да 16 семей латышей, 2 эстонских церкви было, 1 латышская. В Эдазии и после войны было семей 15, потом после 60-х годов все разъехались. Линда Пирицын в Берёзке живёт, она последняя выехала. А теперь в тех местах живут только волки да медведи.

В этом году на Иванов день, 7 июля, 100 лет будем отмечать эстонскому кладбищу, что по Устьволмской дороге, за Синим Камнем. Как рассказывают, прадедушка Эгги выбрал место для этого кладбища и первый был там похоронен.

Сколько сейчас живёт эстонцев в Крестецком районе? На этот вопрос в отделе статистики ответить не могли. По последней переписи выделены группы русских, украинцев, цыган, а эстонцы в графе «другие национальности» - их мало. Впрочем, это понятно: за

прошедшие годы многие эстонские семьи породнились с русскими, и молодые поколения по своему воспитанию, культуре считают себя скорее русскими, чем эстонцами. Наверно, это естественный процесс, когда люди живут вместе. Но старые эстонские семьи сохраняют свои традиции, связи, язык (правда, говорят, что это старый язык и в нынешней Эстонии на нём не говорят).

Как вы заметили, ни один из тех людей, с которыми я говорила, не обвинил в своих злоключениях представителей других национальностей. Потому что нет плохих национальностей, есть плохие и хорошие люди.

Зачем пишу? Эстонские страницы занимают большое место в книге истории района и хотелось, чтобы о них знали многие. Л.Соколова.

ВЕК СПУСТЯ, или ФЕРМЕРЫ, КОТОРЫХ МЫ ПОТЕРЯЛИ.

Максим Владимиров (М.Витоль). Новгородские ведомости, 28.11.1995г.

В один из летних дней мы с друзьями рыскали в поисках боровичков где-то на стыках Новгородского, Маловишерского и Чудовского районов. И тропинки «тихой» охоты вывели нас к необычной поляне: по её окраинам буйно разрослась ставшая уже дикой чёрная смородина, а сквозь еловую просеку вела в никуда еле заметная колея... Когда-то здесь жили люди.

Переселение в Новгородскую губернию прибалтийских и немецких колонистов началось в первой половине прошлого века. В 1835 году, в царствование Николая 1, из Рыбацкой, Колпинской, Средне-Рогатицкой колоний под Петербургом добровольно выселились немецкие семьи, которые жили там давно, ещё с Екатерининских времён, были искусны в хозяйстве, исполнительны и трудолюбивы. Их поселили в 15 верстах от Новгорода на месте бывшей стоянки артиллерийской бригады, чья недвижимость перешла в собственность поселенцев. Семьи получили по 200 рублей подъёмных, которые должны были вернуть в казну в течение 10 лет. На это же время колонисты освобождались от уплаты всех казённых сборов за землю и от солдатчины.

Имели они свой особый уклад, по которому старший сын с наступлением рабочего возраста получал от отца половину земли и при этом обязан был заботиться о своих младших братьях и сёстрах: кормить, одевать, посылать в школу. По достижении 22-23 лет младшие братья выходили из хозяйства, обзаводились домом и скотом у себя в колонии и занимались ремеслом или крестьянствовали.

К 1904 году таких хозяйств в Ново-Николаевской колонии (она располагалась на территории современных Кречевиц) было уже 57. Известные немецкие пунктуальность и аккуратность сохранились даже в северных лесах: в колонии был свой полевой староста, который следил за содержанием дренажных канав и мостов. За невыполнение предписанной обязательной чистки канав нерадивого хозяина могли подвергнуть двух-трёхдневному аресту. Хотя дотошные «летописцы»

не сумели припомнить ни одного случая наказания, поскольку колонисты считают «преступлением относиться к полям небрежно»!

В Новгородской губернии было всего два больших поселения немцев: Ново-Николаевка и Александровка в Селищенской волости, а вот латышей, эстонцев, карел было в десятки раз больше.

Основной приток крестьян из Курляндской и Лифляндской губерний пришёлся на 60-е годы XIX века. Главной причиной переезда явились «скудные урожаи последних лет и недостаток заработка». А ещё – невыносимые издевательства литовско-эстонских помещиков.

В Новгород устремились не зажиточные земледельцы, а батраки, голытьба, но эта крестьянская масса за десятилетия упорного труда создала цветущие колонии, которых к началу нашего века насчитывалось уже более 60 латышских и около 20 эстонских. Группировались эти поселения в основном вокруг Новгорода, Чудова, Крестец, Демянска. В распоряжении колонистов находилось до 30 тысяч десятин земли, в том числе выгоны скота и леса. Например, поселенцы Коломовки (основана в 1869 году в Чудовской волости) имели в среднем на хозяйство до 20 десятин земли (около 30 га). Да и колония была немалая – тысяча душ.

По данным статистики, из 4 хозяйств колонистов каждое третье было крепким, зажиточным. В то же время мне попались списки семей, числящихся бедняцкими, где имелось пусть по одной лошади и корове. А послереволюционные латышские сельские советы возглавили не пролетарии, а вполне приличные «кулаки».

И ещё один «колониальный» эпизод, дающий яркое представление о быте и интересах новгородских прибалтов. Среди эстонских поселений губернии было одно, сформировавшееся на территории современного Окуловского района и объединившее в себя хутора Новозстонского оущества. Так вот в начале 20-х годов местная молодёжь не только самостоятельно изготовила радиоприёмник, но и организовала трансляцию по хуторам. Эта же радиостанция позволяла осуществлять и телеграфную связь! Умело эксплуатируя леса, выкупив в рассрочку землю и получая приличные доходы от скотоводства, эстонские колонисты сколотили солидные сбережения. Конечно, такой скачок бывших батраков не прошёл для них даром. Зажиточные колонисты стали считать себя культурными земледельцами, выказывая полное пренебрежение местным «Ванькам», на земле которых они приютились. Вот вам и зачатки прибалтийского шовинизма! Из Эстонии переселенцы выписывали националистическую литературу. Надо сказать, многие из них плохо владели русским языком, но после революции в губернии было больше 20 латышских, 10 эстонских, немецкие школы, где преподавание велось на родном языке. Даже документация сельских советов, переписка шла не на русском .

Коллективизация нанесла первый сокрушительный удар по размеренному быту «национальных меньшинств». По поселениям составлялись длиннющие списки подлежащих раскулачиванию, строчили доносы, сочиняли дутые дела о близости то учителя, то пастора с кулацкими бандами и подпольным движением. А одну латышку-учительницу обвинили ни много ни мало в

совершении онанизма с учениками (?!). Курту Югану, жителю одной из эстонских колоний Крестецкого района, характеризуя его как кулака, приписали: «Служит в лютеранской церкви, читает на трибуне». А Карл Тяхт пострадал за то, что «эксплуатирует наёмную работницу. Бьёт жену». Это было начало тотального уничтожения колоний и их обитателей.

А потом пришёл 37-й год, за ним – 38-й. И десятки Дуче, Петерсов, Келлеров оказались брошенными за решётку, сосланными в Сибирь, расстрелянными.

Как-то давно я познакомился в Прибалтике с одной из жительниц бывшей латышской колонии под Новгородом. Её мать, полуграмотную женщину, расстреляли в 38-м, вменив ей, крестьянке, имевшей шестерых детей, шпионаж в пользу латышского правительства. Отец пропал без вести в сталинских лагерях. Братья погибли в войну. Из многочисленной дружной семьи в живых осталась только она одна...

То, что не сделали 30-е годы, завершили сороковые. В начале войны все национальные меньшинства были «эвакуированы» за Урал... Назад вернулись очень немногие. Конечно, могут припомнить, что был в войну Эстонский корпус, но в нём едва бы набралось несколько десятков «новгородских» эстонцев.

А ведь только в начале двадцатых годов общая численность латышей, эстонцев, немцев достигала 30 тысяч человек, которые в основном проживали в 2286 хуторах и прочих крестьянских хозяйствах, а также в 3 эстонских сельхозкоммунах. Это были умелые хозяева, которые с нашей скромной земли умудрялись снимать потрясающие урожаи.

...Теперь на месте их процветающих хозяйств высокой стеной стоит лес, только дикие кусты смородины да уходящие в никуда дороги напоминают о том, что здесь жили люди. Так и хочется подумать, а если бы... Если бы даже половина, треть из них выжила, то какой бы сильной фермерами была наша область! А впрочем ...

В районе (нет, не скажу каком) на старом заброшенном хуторе возводится дом, пасутся коровы, и живёт семья фермеров. Хозяин говорит, что его дед, латыш, жил в этих местах, да сослан был с семьёй. А вот он, внук, вернулся, чтобы начать всё сначала...

НАЦИОНАЛЬНОЕ КЛАДБИЩЕ

В конце XIX века в бывшей Тимофеевской волости Крестецкого уезда, на землях помещика из с.Берёзовик М.В. Вонлярлярского возникли хутора переселенцев из Прибалтики.

Они брали в аренду заброшенные пустоши и вырубали, корчевали пни, разрабатывали пашню, ставили хозяйственные постройки, а потом жильё.

К 1893 году здесь сформировались Ново-Эстонское и Новоселицко-Латышское общества, насчитывавшие около 90 хуторов и свыше 450 жителей.

В 1904г хуторяне открыли национальную школу, в 1914г – общественный магазин, в 1919г – Народный дом.

В первые годы советской власти был образован Новоэстонский сельсовет с центром в д.Лядчино.

В 1930-е годы начался процесс создания колхозов и сселения хуторов в две деревни – «Новая жизнь» и «Свет».

Подверглись репрессиям председатель с/с Ланговитс Александр, счетовод колхоза Ланговитс Фёдор, а также Август Александр и Оскар, Зиверт Эрнест и Анна, Колк Александр, Колк Роберт, Кротман Эдуард, Лаабо Александр, Лутс Яан, Нассар Густав, Някк Петр, Парис Юлиус, Перн Евгений, Сырт Пётр, Тинт Карл и др. Были раскулачены, выселены, обложены «твёрдым заданием» Арро Юган, Бриккер Эдуард, Колк Амос, Парис Пётр, Пускар Александр и др.

К 1940г колхоз «Ваба элу» (Свободная жизнь) имел 173га пашни, 300га покосов, богатые выгоны, добротные скотные дворы и хозпостройки, молочную ферму на 125 голов скота, птицефабрику на 200 кур, артскважину, достаточное количество сельхозинвентаря.

3 ноября 1941г в одночасье всё национальное население сельсовета было выселено и депортировано в Сибирь и Казахстан. Потом мужчины были призваны в армию, где сложили свои головы Бауман Георгий, Бриккер Август, Бунтс Яан и Освальд, Ваас Роберт, Викман Август, Иллимсон Даниил, Кротман Иван, Ланговитс Павел, Луйк Рудольф, Лутс Эткар, Лутс Петер, Луц Эльмар, Няк Иоган, Пунг Эдуард, Тидеман Александр, Тидеман Рудольф, Трейман Фритс, Янке Рудольф и Карл, Гиндриксон Геннадий и др.

Живые помнят и чтят павших.

Уроженцами Ново-Эстонских хуторов были физик, профессор Янус Рудольф, фотограф Колк Яан, секретарь компартии Эстонии Тинт Вольдемар, композитор Кротман Евгений и многие другие достойные люди.

<http://bibl.systema.ru/okulovka/ustanovka-pamjatnogo-znaka-na-kladib>

Ei tea seda noorem sugu.../Не знает этого младое племя...

Эти зарифмованные строки написал Эдуард Бриккер под впечатлением от посещения в 60-е годы новоэстонских хуторов. В куплетах перечисляются владельцы хуторов и дается краткая им характеристика, впечатления от посещения мест бывшей школы, народного дома, кладбища... Куплеты эти тогда пела Наталья Петерсон. Орфография в основном сохраняется.

Ei tea seda noorem sugu
Lärski metsa talupoja elulugu.

Kui tulli rahva valitsus,
Siis talupoeg saai karistust.
    Siin üksi süüdi polnut
    Vene loll või kaasa aitas eesti jonn.

A kui tulli Ilmasõda
Sis tulli neile suurem häda:
Neid talust välja ajati
Ja Siberise viiti.

    Siberis seal polnut nali
    Siberis on külmem talv.
    Siberis neil polnut talu,
    Seal nad nägivat palju valu.
    Vanad läksivad seal taeva
    A nooret nägivat sõjavaeva.

Nüüd rändab mööda Venemaad
Üks vana lärski talupoeg
Sis üks kord tema mõtles ka
Minna oma talu vaatama.

    Vaata! Siin on Eestiküla varemed
    Ja ärakasvand tänavad.
    Vaata! Siin on küla pumpakaev,
    See lärski meeste verevaev,
    Kus vesi oli järel uuritud,
    Ja auk saai sisse puritud.

Vaata! Siin külas elas lompak Luts,
Kes teiste kaela häda kutsus.
Siin elas Kribus, läti vana,
Ta hoolsast töötas ja oli vaik.
See Dravin oli kuldne mees –
Ta seisis oma rahva eest.

    Kae! Laaba ka oli täitsa mees,
    Kes asjad külas haste viis.
    Tinti Paul ka polnud siga,
    See es tee ka teistel viga.
    Vaata! Seal on need lagunud varemad –
    Seal elasid need Laaba ausad vanemad.

Siin külas elas mitu kelmi meest,
Kui tahad, vein ma rääki neist...
    Vaata! Siin oli vana Viksi talu,

Siin oli tihti balli maru.
Kae! Siin on lagunud koolimaja,
See oli meie lapstel vaja.
Siin oli küla rahvamaja,
Seda oli ka meil vaja.
Siin sees asus külavalitsus,
Seltsi pood ja poodiasutus.
Siin tihti laulis laulukoor
Ja Martin oli neil juhinöör,
Kes laulikoori õpetas
Ja kurvalt oma päevad lõpetas.
Tall häleõigus ara vööti,
Sellega ta hauda viidi.

Torupill siin tihti huigis,
Klaver nurkas mängi püidis.
Keelepillid stseenis mängsid,
Noored saalis ringis tantsid.
Mõni tõmbas lõõtsapilli,
Tõmbati, et kotsad villi.
A kui ollid kotsad villis,
Sis es holita ka lõtsapillist.

Siin elas vana Peterson
Temal oli õige mehe jonnõ.
Siin ehitas ta metsa talu.
Mees ka nägi viletsust ja valu.
Põllud tema korda säädis,
Kannud, kivid välla kaalus.
Nurgas oli vene kuju –
See oli venepappi mõju.
Kui omad päevad otsa saivad
Taa omaksed surnuaeda vivid.

Poeg tale hit uue maja,
Seda teha polnud vaja –
Maja oli linna viidut,
Pere talust välla aetud.

Lähan vaatan surnuaeda,
Selles on ka minul aega.
Kus Eesti maha maetu
Ja lilletega hauat kaeti/

Kui ma jõudsin sinna kohta
Süda tundis rasket ohka.
Kirjus siin on võinut võimu,
Oma töö on pannut toime,
Siin ta on ka tennut maru
Mitagi ei saa ma aru:
Surnuaed on rusutatud
Ristid tulel põletatud.
Ei ma leia isa hauda,
Kurval meel läksin välja.
Seda kõik mu silmad nägit
Ja siis perast salmid tegit.
Siin mul polnut miski teha,
Viisin ära oma keha.

Lärskis pole miski teha
Rong viis kaugele muu keha.
Se on küll ju puhas tõsi
Kes ei usu, võtke vaiva
Mingu sinna seda kaema.
See on kurblik Lärski lugu
Kuhu sai se nende sugu?
Iga mees seet teab ise
Kuhu tegiva naad pesa.